

УДК 821. 161. 1

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ПРОИЗВЕДЕНИИ В.В. НАБОКОВА «ПОДВИГ»

© 2010 г.

М.В. Матвеева

Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П. Гайдара

matveevamariya@mail.ru

Поступила в редакцию 24.03.2010

Предлагается рассмотрение диалога культур на примере произведения В.В. Набокова «Подвиг», в котором автор показал русско-английский культурный диалог, образы России и Англии и охарактеризовал особенности их восприятия героями.

Ключевые слова: культура, диалог культур, образ страны, произведения В.В. Набокова англоязычного периода.

Среди всех русских писателей-эмигрантов лишь В.В. Набоков провел в Англии несколько лет, и, успев сродниться с этой страной, дал нам ее описания в различных произведениях, предоставляя тем самым уникальную возможность анализа диалога культур этих двух стран на примере творчества писателя.

Набоков на себе испытал все то, что чувствует русский человек, вынужденный жить за границей. Писатель пережил всю гамму чувств эмигранта: начиная от первого восприятия другой страны и заканчивая привыканием к окружающему. Мы попытаемся выделить это восприятие, текстологически проанализировав роман «Подвиг». Набоков заново осмысливает в нем пребывание в Англии и свой студенческий опыт в Кембридже.

В романе «Подвиг» (1931–1932) Набоков обратился к проблеме выбора, связанной с русской темой, с жизнью русской эмиграции. Роман посвящен неизменно волновавшей Набокова теме возвращения на родину, отразившейся также в его поэзии и в рассказах. Разобраться в нем не так легко. Многих современников смущала незавершенность сюжета. Для того чтобы понять идею романа, нужно ответить только на один, главный вопрос: почему герой-эмигрант решает в начале 30-х годов вернуться в Россию? Книга появилась в печати в 1932 году. Начиная с 1917 года всей русской интеллигенцией осмысливалось страшное потрясение, пережитое Россией. Те немногие, волею судьбы оказавшиеся за границей, видели свое предназначение только в этом осмыслении. Русская интеллигенция в эмиграции спорила о том, почему «это» произошло и за кем нужно было идти. А Набоков предложил в своем романе как будто единственно верный путь – назад, в Россию.

Автобиографизм романного сюжета не то чтобы замаскирован – он просто слегка заострен. Мартын Эдельвейс – в отличие от автора романа – наполовину швейцарец. И эмигрантская судьба его гораздо благополучнее набоковской.

Можно сказать, что первый образ Англии сложился в сознании Набокова и его героя Мартына Эдельвейса еще до того, как они ее увидели. Образ этот состоял из легенд, чулок с подарками на Рождество, сладостей, и поэтому неудивительно, что первое восприятие Англии было приятным и знакомым, ведь герои романов как бы вернулись в детство. «...и Мартын, с замиранием, с восторгом себе представлял, как – совершенно один, в чужом городе, в Лондоне, скажем, – будет бродить ночью по неизвестным улицам. Он видел черные кэбы, хлюпающие в тумане, полицейского в черном блестящем плаще, огни на Темзе, – и другие образы из английских книг... И хотя многое выглядело иначе, хотя кэбы уже повымерли, кое-что он все же узнал, когда осенним вечером вышел налегке с вокзала Виктории, узнал темный, маслянистый воздух, мокрый плащ полицейского, отблески, шлепающие звуки» [1, с. 325]. Такое «узнавание» чужой страны обеспечила писателю его мать. В романе «Подвиг» он пишет о матери главного героя романа Мартына Эдельвейса, что в Петербурге она слыла англоманкой, передавая тем самым персонажу черты своей матери. «В Петербурге она слыла англоманкой, и славу эту любила, красноречиво говорила о бойскаутах, о Киплинге и находила совершенно особое удовольствие в частых посещениях Дрюса, где, уже на лестнице, перед большой рекламой (женщина, сочно намазывающая голову мальчишке), приветствовал вас замечательный запах мыла, лаванды, с примесью еще

чего-то, говорившего о резиновых ваннах, футбольных мячах и круглых, тяжеленьких, туго спеленутых рождественских пудингах» [1, с. 298]. Великолепное образование, которое получил Набоков, с первых же шагов несло нечто и от англомана-отца. Он едва ли не раньше начал говорить (если не думать) на языке Шекспира, чем на языке Пушкина. По крайней мере, отец внезапно для себя обнаружил, что мальчик, легко читавший и писавший по-английски, русской азбуки не знает и, кроме таких слов, как «какао», ничего прочесть не может. (Не это ли много позднее обусловило невозможную возможность – перейти в писательстве от русского к английскому языку?) И даже читать автор научился по-английски раньше, чем по-русски. Кстати, о чтении: первыми друзьями маленького Набокова стали не русские книги, «...русскую сказку Софья Дмитриевна находила аляповатой, злой и убогой, русскую песню – бессмысленной, русскую загадку – дурацкой и плохо верила в пушкинскую няню, говоря, что поэт ее сам выдумал вместе с ее побасками, спицами и тоской» [1, с. 300], а английские легенды о короле Артуре и его доблестных рыцарях: «...мать, в гостиной, читает мне английскую сказку перед сном. Подбираясь к страшному месту, где Тристана ждет за холмом неслыханная, может быть роковая, опасность, она замедляет чтение, многозначительно разделяя слова, и прежде чем перевернуть страницу, тайно кладет на нее маленькую белую руку с перстнем, украшенным алмазом и розовым рубином...» [1, с. 185]. И даже молился он по-английски: «...Стоя коленями на подушке, в которой через полминуты предстояло потонуть моей звенящей от сонливости голове, я без мысли говорил английскую молитву для детей, предлагавшую – в хореических стихах с парными мужскими рифмами – кроткому Иисусу благословить малого дитятю. В соединении с православной иконкой в головах, на которой виднелся смуглый святой в прорези темной фольги, все это составляло довольно поэтическую смесь...» [1, с. 187]. Английское воспитание продолжили и укрепили «несоразмерно длинная череда английских бонн и гувернанток» и английские учителя, которые учили Набокова рисованию и музыке.

Однако сформированное в детстве представление об Англии было чрезвычайно размытым и не вполне соответствующим реальности страны. Так что впоследствии образ Англии подвергался трансформации при соприкосновении с действительностью. Писатель искусно показывает изменение первоначального ложного вос-

приятия Англии как родной страны, страны детства Набокова и его героя.

Автор и его герой изо всех сил пытались перебороть это ощущение неприкаянности и чужеродности, старались влиться в окружающий их мир и стать его частью, но остались в том же состоянии, в своих бесплодных попытках «перебританить Британию», ощущая «исконно русское нутро». Вслед за писателем и его герой, Мартын Эдельвейс, идет этим же путем. «Неделя, которую Мартын, примериваясь к Англии, прожил в этом доме (доме лондонских знакомых Зилановых), показалась ему довольно тягостной. День-деньской он был среди чужих... Соня дожимала его тем, что высмеивала его гардероб... Далее оказалось, что Мартын не привез халата, и, когда он по утрам шел в ванную, гордо закутанный в простыню, Соня говорила, что это ей напоминает ее двоюродных братьев и товарищей их, лицеистов, которые, гостя на даче, спали нагишом, ходили по утрам в простынях и гадили в саду... И английское произношение, которым Мартын тихо гордился, тоже послужило поводом для изысканно насмешливых поправок. Так, совершенно неожиданно, Мартын попал в неучи, в недоросли, в маменькины сынки. Он считал, что это несправедливо, что он в тысячу раз больше переживал и испытал, чем барышня в шестнадцать лет. И с некоторым злорадством он расколошматил на теннисе каких-то ее молодых людей, а вечером накануне отъезда превосходно танцевал под гавайский плач граммофона тустэп, которому научился еще в Средиземном море» [1, с. 330]. Мартын переживает в романе парадокс национальной самоидентификации, заключается он в том, в России Мартын европеец, а в Европе — совершеннейший русский. В XIII главе мотив отъединенности, чужеродности героя полностью оформляется. В Кембридже «он, дивясь, отмечает свое несомненное русское нутро. От полуанглийского детства у него остались только такие вещи, которые у коренных англичан, его сверстников, читавших в детстве те же книги, затуманились, уложились в должную перспективу, – а жизнь Мартына в одном месте круто повернула, пошла по другому пути... Он помнил и говорил словечки, которые десять лет назад были в ходу среди английских школьников, а ныне считались либо вульгарными, либо до смешного старомодными...» [1, с. 417]. А последняя фраза этой главы знаменательна. Ее можно отнести не только к герою романа или ко всему роману, но к творчеству писателя в целом: «И вообще все это английское, довольно, в сущности, случайное, процеживалось сквозь

настоящее, русское, принимало особые русские оттенки». Мотив чужеродности определяет во многом развитие сюжета, способствует прояснению главной идеи. Она оформляется в следующих словах: «Выбор его не свободен... есть одно, чем он заниматься обязан... он изгнанник, обречен жить вне родного дома» [1, с. 418]. И даже при изображении игры в футбол на первенство Кембриджа появляется фраза: «С приятным удивлением он вспоминал, как, бывало, в России, калачиком свернувшись в мягкой выемке ночи, предаваясь мечтанию, уводившему незаметно в сон, он видел себя изумительным футболистом» [1, с. 420].

Набоков и его герой прошли в Англии несколько ступеней приспособления к чужой среде, к новой окружающей действительности. Сначала он увидел, что, несмотря на полуанглийское детство и знание языка, он очень отличается от настоящих англичан. Набоков во всем пытается стать похожим на них, однако лишь усугубляет ситуацию, выделяясь еще сильнее. В этот момент муки национальной самоидентификации проявляются самым ярким образом. Затем он понимает, что изменить себя не сможет, смиряется с собственной «неполноценностью», о которой в России и не подозревал и которую обнаружил только здесь, в Кембридже, и полностью уходит в себя, в свой внутренний мир, пытаясь восстановить, «закрепить в памяти» Россию, – мир, где он был счастлив, мир, где он не ощущал своей чужеродности, мир детства. И лишь потом Набоков поймет, какую огромную роль Англия сыграла в его судьбе, в становлении его личности, какой неоценимый опыт он получил благодаря этой стране, любовь к которой сохранилась в его душе и в его произведениях. И, наконец, мы можем видеть в романе окончательную и на этот раз вполне реальную картину Англии, герой романа начинает воспринимать страну такой, какова она есть на самом деле: «Ни скверная погода, ни ледяная стужа спальни, где традиция запрещала топить, не могли изменить мечтательную жизнерадостность Мартына. Одиночество веселило его. Свою рабочую комнату, жаркий камин, пыльную пианолу, безобидные литографии по стенам, низкие плетеные кресла и дешевые фарфоровые штучки на полочках, – все это он от души полюбил» [1, с. 415]; «Я был страстно влюблен в страну, ставшую мне домом (насколько моя природа способна освоить представление о доме); у меня случались свои киплингские настроения, настроения в духе Руперта Брука и Хаусмана. Собака-поводырь около “Хэрродз’а” или цветные мелки панельного живописца; бу-

рые листья аллеи в Нью-Форест или цинковый таз, вывешенный в трущобах на черной кирпичной стене; картинка в “Панче” или витиеватый пассаж в “Гамлете” – все сходилось в строгую гармонию, где и для меня отыскивалась тень места» [1, с. 435].

С образом Англии в произведениях в диалог вступает Россия, переплетаются темы, действия и побуждения героев. Так, Мартын, главный герой «Подвига», выбирает в Кембридже бесполезный в практическом отношении курс русской словесности, как бы пытаясь таким образом бороться за Россию. Мартына нельзя назвать борцом в полном смысле этого слова, ничего героического он не совершает, более того – автор явно показывает нам его «маменькиным сынком». Однако он много раз испытывает свою волю – стоит под дулом револьвера, ходит по краю пропасти, работает на поденных работах в деревне. И здесь мы можем наблюдать традиционное поведение героев-интеллигентов русской литературы. Их цель, так же как и цель Мартына, – поиск героем своего места в жизни. Герои остаются непонятыми их английским окружением.

Взаимодействие Англии и России отчетливо звучит в романе и при изображении английского окружения героя. Так, профессор кембриджского университета Арчибалд Мун, наставник Мартына, является знатоком и ценителем России, хотя с ее именем у него связано только наслаждение – ее литературой, искусством, историей. Он не переживает за судьбу страны, в отличие от Мартына, который ни разу не произнес высокопарного слова о спасении родины и решил, тем не менее, вернуться туда, где погибли его сверстники, разделить судьбу поколения. Героем в жертву приносится благополучие, счастье, жизнь, и все это ради того, чтобы исполнить свой долг так, как он его понимает.

Нигде не говорится о том, что Мартын идет бороться с режимом, он просто отказывается от обмана, от того шанса на другую жизнь, который предоставила ему судьба. Ведущая тема романа на поверку оказывается исконно русской, традиционной темой русского романа XIX в. – это тема приобщения к судьбе поколения, к судьбе народа, тема аскетизма, страдания за других.

Так, по мнению Э. Хейбера, изложенному в его статье «“Подвиг” Набокова и волшебная сказка» («Nabokov’s Glory and the Fairy Tale»), фамилия и имя главного героя явно берут свое начало в русском фольклоре. Речь здесь идет не о фамилии Мартына, хотя «Эдельвейс» – фамилия говорящая и данная ему ав-

тором не случайно, но к нашему исследованию она отношения не имеет; но о фамилии бабушки героя – «Индрикова». Этимология русского слова «индрик» – сказочный зверь в устном народном творчестве, мать всех зверей. Имя «Мартын» появляется в нескольких сказках. В них Мартын предстает нам простоватым парнем, дурачком, совершающим непрактичные поступки, которые, однако, оказываются впоследствии имеющими практическое значение. Так и герой «Подвига» выбирает бесполезный в реальной жизни курс для обучения в Кембридже, совершает странные для окружающих поступки. Но для него самого все это имеет глубокий смысл.

Мартыну в романе противопоставлен англичанин Дарвин. По мнению Э. Хейбера, его фамилия выбрана также не случайно, ее аллюзия на знаменитого натуралиста вызывающе противоречит фамилии Индрикова, а ее владелец – освоившийся в мире Кембриджа студент, озабоченный к концу книги материальным успехом солидный гражданин, пишущий политические статьи, не менее вызывающе противоречит самому Мартыну – непрактичному, мечтательному, немного странному.

Финал романа – это тоже противопоставление. В нем мы видим не только уход Мартына в Зоорландию, но и Дарвина, идущего по тропинке, – довольного жизнью, благополучного. Мартына никогда не устроил бы такой исход, он выбирает другой путь. Этот путь, скорее всего, ведет в никуда, но он соответствует его природе, позволяет ощутить полноту жизни, исполнить свое предназначение.

Подводя итог, следует отметить, что английская проза В.В. Набокова не только не скрывает, а, напротив, подчеркивает свое чужеземное происхождение. В каждой книге обязательно появляются если не главные, то хотя бы второстепенные русские персонажи и вкрапления русских слов и фраз, а диалог культур является неизменной составляющей произведений классика.

Список литературы

1. Набоков В. «Подвиг» // Романы: «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», «Другие берега», «Подвиг». М.: Худож. лит., 1991.
2. Адамович Г. Рец. на Современные записки № 46 // Ленинградские новости. 4 июня 1931. (Часть романа «Подвиг»).
3. Адамович Г. Рецензия // Ленинградские новости. 11 февр. 1932. С. 2. («Подвиг»).
4. Белова Т.Н. Культурологические аспекты романов В. Набокова // Культура и текст. СПб.: Барнаул, 1997. Вып. 1: Литературоведение. Ч. 1. С. 76–77.
5. Бернар Э. Диалог культур. 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 22.
6. Библер В.С. Школа «диалога культур» // Сов. педагогика. 1988. № 11.
7. Гуревич П. С. Философия культуры. М.: Юнити, 2005.
8. Ерофеев В. Русская проза Владимира Набокова // Набоков В. Собр. соч. В 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 1. С. 3–32.
9. Махлин В.М. Я и Другой: истоки философии диалога XX в. СПб., 1995.
10. Никитин В. От диалога конфессий к диалогу культур // Русская мысль. Париж, 2000. 3–9 февраля.
11. Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.
12. Тимофеева З.М. Лингвистические особенности гетерогенного художественного текста: (Языковые средства выражения рус. нац. колорита в англоязыч. произведениях В.В. Набокова). Автореф. дис... канд. филол. наук / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. СПб., 1996. 19 с.
13. Флиер А. Культурология для культурологов. М., 2000.
14. Хасин Г. Театр личной тайны. Русские романы В. Набокова. М., СПб.: Летний сад, 2001.
15. Целкова Л.Н. Традиции русской прозы XIX века в романах Владимира Набокова 20–30-х годов и в романе «Лолита»: Автореф. дис... д-ра филол. наук / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2001. 34 с.
16. Шадурский В.В. Интертекст русской классики в прозе Владимира Набокова / НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2003. 90 с.
17. Шульман М.Ю. Набоков, писатель: Манифест. М., 1998.
18. Яценко Е. Восток и Запад: взаимодействие культур // Культура в современном мире: Опыт. Проблемы. Решения. Вып. 1. М., 1999. С. 32–37.

CULTURAL DIALOGUE IN V.V. NABOKOV'S «GLORY»

M.V. Matveeva

The article deals with the Russian-English cultural dialogue in V.V. Nabokov's novel "The Glory". The author showed the images of Russia and England in the novel and described the peculiarities of their perception by the main character of the novel.

Keywords: culture, cultural dialogue, the image of the country, V.V. Nabokov's English novels.